

Смерть

В [62 г.] саддукейский первосвященник Анна созвал синедрион, перед судом которого предстали брат Иисуса Иаков и другие христиане. По настоянию первосвященника христиане были осуждены и побиты камнями. Фарисеи добились отстранения первосвященника: синедрион был созван без их ведома и, по их мнению, проводился в нарушение закона^[201]. Синедрион, включавший 71 члена, был верховным судом у евреев. Для вынесения смертного приговора было достаточно присутствия 23 членов синедриона^[202]. Можно предположить, что первосвященник собрал-таки нужное количество членов синедриона, однако все они были из числа его единомышленников саддукеев, поскольку никто, кроме них, не был извещен о предстоящем заседании высокого Совета.

Как уже говорилось, три первых евангелия не упоминают фарисеев в связи с процессом над Иисусом. Основываясь на других источниках, я высказывался в пользу точки зрения, согласно которой фарисеи и на самом деле не одобряли выдачи Иисуса римлянам. В таком случае, если перед казнью Иисуса и состоялось заседание синедриона, оно, по существу, носило тот же характер, что и заседание саддукейской верхушки подобранного состава, на котором был вынесен смертный приговор Иакову.

Однако уместно спросить, состоялось ли вообще заседание высокого Совета, приговорившего Иисуса к смерти. Иоанн об этом ничего не знает, а Лука ни единым словом не упоминает о приговоре синедриона не только в повествовании о страстях, но и во всем евангелии^[203]. При этом сам Лука, очевидно, считает, что за смерть Иисуса ответственность несут евреи (Деян 3:12–15). Лишь Марк вносит изменение в древний рассказ: на судебном заседании приговор все-таки был вынесен. Он пытается изобразить судебное разбирательство. Версию Марка воспроизводит Матфей. По Луке (22:66), слушание дела состоялось лишь после мучительной ночи, проведенной в доме первосвященника: Иисуса отвели в «их синедрион» только утром.

По Марку (14:53–65) и Матфею (26:57–68), слушание дела проходило ночью: в доме первосвященника собрались «все первосвященники, старейшины и книжники» (Мк 14:53; ср. Мф 26:57). Чуть ниже в обоих евангелиях (Мк 14:55; Мф 26:59) собравшиеся неожиданно названы «первосвященниками и всем синедрионом». На следующее утро (так по Марку (15:1)!) «первосвященники со старейшинами и книжниками и весь синедрион, поспешно собравшись и приняв решение, велели тотчас надеть на Иисуса оковы, увести его и передать Пилату». Матфей (27:1–2) в этом месте опускает пояснение «весь синедрион», поскольку оно кажется ему излишним. Таким образом, синедрион прямо упоминается по одному разу Лукой (22:66) и Матфеем (26:59) и дважды — Марком (14:55; 15:1).

<§> Итак, для историка существуют две возможности: либо принять версию Луки, либо, исходя из сравнительного анализа текстов, вообще поставить под вопрос историческую достоверность одного или двух заседаний высокого Совета. В самом деле, можно ли считать синедрионом группу лиц, спешно явившихся в дом первосвященника после ареста Иисуса? Группа того же состава у Луки (20:1) появлялась и раньше, в Храме, чтобы спросить у Иисуса, по какому праву он учит. Значит, можно предположить, что «первосвященники, старейшины и книжники» — общепринятое наименование храмовой бюрократии: старейшины — это старейшины в правлении Храма, а книжники — делопроизводители при том же правлении. Таким образом, можно прийти к выводу, что заседаний синедриона не было. Судебное разбирательство в доме первосвященника — это литературный вымысел Марка, как и идея о том, что Иисус был приговорен к смерти собравшимся по установленному правилу высшим еврейским судом. Этот вывод подтверждается и Лукой: ночное заседание высокого Совета у него не упоминается. Лука также ни разу не утверждает, что Иисус был официально приговорен к смерти синедрионом. Это согласуется с его вариантом «предсказаний о страданиях, смерти и воскресении» (Лк 9:22, 44; 18:31–34). Поэтому есть определенные основания в данном вопросе принять версию Луки^[204].

Существует и еще одно соображение. Для погребения казненных по приговору синедриона отводилось два места^[205]. Иисус не был похоронен ни на одном из них. Это — дополнительный аргумент в пользу предположения, что он не был осужден высоким Советом. Отдать тело Иисуса уговорил Пилата Иосиф из Аримафеи. Он снял тело с креста, завернул его в полотняное покрывало и положил в гробницу, высеченную в скале; до того гробница была пустой (Лк 23:50–56). Нужно сказать, что это — весьма щедрый поступок: едва ли вы найдете в Палестине древнюю еврейскую могилу, в которой не было бы похоронено несколько человек. Иосиф из Аримафеи был членом иерусалимского городского совета и, должно быть, богатым человеком: он занимался благотворительной деятельностью, к которой можно отнести и погребение Иисуса. Согласно Иоанну (19:39), на похороны пришел также Никодим, который раньше знал Иисуса; он принес смесь мирры и алоэ. Вдвоем они похоронили Иисуса. Никодим, как Иисус, происходил из Галилеи (Ин 7:52). Из раввинистической литературы известно о некоем Никодиме (Накдимоне), сыне Гориона, который состоял в иерусалимском совете и был одним из трех самых богатых аристократов города. Позднее, во время еврейско-римской войны, повстанцы-зелоты сожгли его хлебные хранилища^[206]. Сам Никодим, вероятно, погиб во время войны, поскольку в послевоенное время — его дочь жила в глубокой нищете (см. с. 117). Ее брачный контракт был подписан миролюбивым учеником Гиллея раббаном Иохананом бен Заккаем^[207]. По-видимому, упоминаемый Иосифом Флавием сын Никодима Горион^[208] — участник переговоров в начале восстания, с помощью которых удалось добиться капитуляции римского гарнизона в Иерусалиме, — был сыном этого самого I Никодима. Когда повстанцы навязали людям войну, на должности двух комендантов Иерусалима избрали Ио-

сифа, сына Гориона, вместе с саддукейским первосвященником Анной (который был противником zelотов и, как \ уже говорилось, инициатором расправы с братом Иисуса Иаковом)^[209]. Почти несомненно, что отцом этого Ц Иосифа был упоминаемый Иосифом Флавием Горион, человек благородного происхождения, пользовавшийся 4' большим почетом и позднее казненный в Иерусалиме во время террора zelотов^[210]. Ранее человек по имени Горион, сын Иосифа, вместе с фарисеем Шимоном, сыном Гамалиэла (того самого, который заступился за апостолов и был учителем Павла), безуспешно пытался дать отпор zelотам^[211]. Все перечисленные лица, скорее всего, принадлежали к одному и тому же состоятельному аристократическому семейству из Иерусалима, известному своим отрицательным отношением к воюющим экстремистам zelотам и близостью к более умеренным фарисеям. Таким образом, Никодим из этого семейства, член городского совета, возможно, и есть тот самый Никодим, который, согласно Иоанну, был знаком с Иисусом и принимал участие в его погребении. Итак, последнюю услугу Иисусу оказали два члена иерусалимского городского совета. Этот факт свидетельствует о несостоятельности мнения, будто римлянам Иисуса выдали высшие еврейские власти.

Как теперь мы могли бы представить себе ход событий от ареста Иисуса до его выдачи Пилату^[212]?

По Иоанну (18:12–14, 24), из Гефсимании Иисуса сначала отвели к Анне, тестю Кайафы, который был тогда первосвященником. (В этом мы можем вполне полагаться на Иоанна.) Анна, не будучи уже первосвященником, все еще оставался весьма влиятельным лицом. Однако свою последнюю ночь Иисус провел под охраной в доме действующего первосвященника Кайафы. Люди, охранявшие Иисуса, чтобы скоротать время и развлечься, «издевались над ним и избивали его». «Завязав ему глаза, они спрашивали: Пророк, скажи-ка, кто тебя ударил?» (Лк 22:63–65 и пар). Стражники играли в жестокую игру, которая в ходу еще и сегодня. Саддукеи не верили ни в ангела, ни в Дух пророчества (Деян 23:8). Охранники первосвященника думали так же, как их хозяева.

«Когда наступил день, собрались старейшины народа — первосвященники и книжники — и приказали доставить Иисуса к себе в синедрион» (Лк 22:66). Другими словами, Иисуса доставили в помещение, в котором обычно заседал синедрион. Итак, в данном случае «синедрион» обозначает скорее помещение, чем собрание совета. Но исключается ли при этом возможность, что в то утро действительно собрался санхедрин? Ранее (см. Лк 20:1) «еврейская тройка» из «первосвященников, книжников и старейшин» появлялась в Храме — там, где Иисус учил народ, — чтобы спросить его, кто уполномочил его учить людей. Из сопоставления этих двух мест вытекает, что эта «тройка» служит формальным обозначением правления Храма: старейшины были храмовыми старейшинами, а книжники — храмовыми писцами (см. выше, с. 151).

Таким образом, в то роковое утро Иисус был доставлен из-под стражи в доме первосвященника в помещение для заседаний синедриона в Храме. Там он должен был предстать перед правлением Храма, т. е. перед теми же самыми людьми, которые ранее решили с ним расправиться (Лк 22:2 и пар) и которые фактически и отдали приказ о его аресте (Лк 22:50, 52, 53). Их целью было не вынесение приговора; они хотели, опросив Иисуса, собрать из его же слов доказательства, которых было бы достаточно, чтобы оправдать следующий шаг: выдачу Иисуса римскому наместнику.

Такой замысел они пытались осуществить еще раньше, до ареста Иисуса, однако успеха не добились. Они подсылали к нему людей, которые своими вопросами расставляли Иисусу ловушки, в одну из которых он должен был попасться, — и тогда они смогли бы выдать его римским властям. Эти люди спрашивали: «Скажи, можно ли нам платить Цезарю подать или нет?» Иисус, угадав их умысел, ответил: Покажите денарий. Чье изображение и надпись на нем? Они ответили: «Цезаря». Тогда он сказал: Отдайте же Цезарю то, что причитается Цезарю, а Богу отдайте то, что причитается Богу (Лк 20:20–26). Но эта победа Иисуса нисколько не помогла ему позднее, когда он предстал перед Пилатом, осыпаемый потоком обвинений: «Мы установили, что этот человек сбивает с пути наш народ, запрещает платить подати Цезарю и даже объявляет себя Мессией, то есть царем» (Лк 23:1–2).

Однако вопрос о подати не был темой на этом собрании правления. Первым делом участники собрания пытались выяснить, не было ли у Иисуса мессианских претензий. Вначале они пытались найти достоверные доказательства тому, что Иисус допускал рискованные высказывания о разрушении и восстановлении Храма. В результате им удалось найти двух человек^[213], прямо подтвердивших, что Иисус действительно говорил, будто может разрушить Божий Храм и за три дня восстановить его (Мф 26:57–61). Тогда встал первосвященник и сказал Иисусу: «Молчишь? Тебе нечего возразить на обвинения?» Но Иисус молчал. Открытого заявления о будущем разрушении Храма (Иисус, вероятно, сделал его во время столкновения с торговцами на территории Храма), разумеется, было вполне достаточно, чтобы передать дело Иисуса римским властям, которым было выгодно стоять на страже традиционных святыниц. Однако первосвященник решил «проработать» еще и другой вариант. До него доходили сведения, что кое-кто считал этого Иисуса Мессией. А мессианские движения римляне подавляли, поскольку Мессия как-никак считался еврейским царем.

И первосвященник прямо его спросил: «Скажи, не Мессия ли ты?» А Иисус ответил: Отныне Сын Человеческий будет восседать по правую руку Всемогущего Бога (Лк 22:69).

Как же Иисус мог сказать такое, если он прекрасно понимал, что находится на пороге смерти? Уже в 4 Цар 2 рассказывается, что пророк Илия не умер, но был взят на Небо.

То же самое говорится в Быт 5:22–24 об Энохе. Во времена Иисуса эти предания были весьма популярны: они давали богатую пищу для народной фантазии. Считалось, что и Моисей не умер, хотя в Библии говорится о его кончине. А о библейском Мелхиседеке рассказывали не только то, что он рожден Словом Бога без участия земного отца, но и то, что в конце времен он явится в роли Судьи^[214]. Похоже, существовала вера в бессмертие пророка Иеремии^[215]. Кроме того, как уже говорилось, некоторые люди были убеждены, что казненный Иродом Иоанн Креститель воскрес. Согласно Откровению Иоанна (11:3-12), в конце времен придут два пророка, но «зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, победит и убьет их». И их трупы будут лежать в течение трех с половиной дней на одной из иерусалимских улиц. Но Затем они воскреснут и на облаке взойдут на Небо. Лет через двадцать после смерти Иисуса в Иудее появился египетский еврей, который заявил, что освободит Иерусалим от римского ига. Римский наместник Феликс с вооруженным отрядом выступил ему навстречу и рассеял собравшихся было повстанцев. Сам пророк-египтянин, инициатор восстания, исчез. В народе верили, что его прячет сам Бог, и ждали возвращения египтянина. Когда

Павел пришел в Иерусалим, его спрашивали, не тот ли он египтянин^[216]. В связи со сказанным можно не сомневаться, что распятый явился Петру, «потом двенадцати, а затем более чем пятистам братьям одновременно... потом он явился Иакову, а также всем апостолам» и, наконец, Павлу по пути в Дамаск (1 Кор 15:3–8). Так что человек Иисус, должно быть, верил, что избежит роковой участи или, скорее, что воскреснет из мертвых, когда, отвечая на вопрос первосвященника, сказал: Отныне Сын Человеческий будет восседать по правую руку Всемогущего Бога. Во всяком случае, первосвященник правильно понял, что эти слова Иисуса можно расценивать как положительный ответ на вопрос о его мессианском достоинстве. Поэтому он и сказал: «Зачем нам еще свидетельства? Вы сами все слышали из его собственных уст» (ср. Лк 22:71).

После этого было окончательно решено передать дело Иисуса римским властям, и Иисуса немедленно отвели к Пилату.

Прежде чем перейти к изложению событий от этого момента до казни Иисуса римскими солдатами, выясним поподробнее, что представлял собой этот Пилат^[217].

То, что в апостольском символе веры Пилат упоминается в связи с распятием Иисуса, не случайно. В двух еврейских источниках Пилат изображен как жестокий деспот. Мы уже говорили об одном кровавом инциденте, о котором сообщает Лука (13:1): «В это время пришли к Иисусу и рассказали о галилеянах, чью кровь Пилат смешал с кровью жертвенных животных». Филон, еврейский философ из Александрии, писал, что Пилат «был от природы жесток, самоуверен и неумолим»^[218]. Далее Филон перечисляет семь «смертных грехов», которыми ознаменовалось правление Пилата; он говорит: «о взятках, оскорблениях, лихоимстве, бесчинствах, злобе, непрерывных

казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости»^[1]. Негативная характеристика этого римского виновника у Филона вполне согласуется с тем, что сообщает о нем Иосиф Флавий^[219].

В евангелиях, напротив, Пилат предстает первым делом как человек справедливый и пронзительный. Только (увы!) он становится слепым орудием в руках еврейских вождей. Однако конкретные поступки этого человека даже по евангелиям не меняют, по существу, тот образ, который складывается на основе других источников. Возникающий при обобщении источников портрет Пилата особенно лестным не назовешь. Хотя не всякое зло «банально», но в случае злодеяний Пилата можно говорить о «банальности зла»^[220].

Тацит называет Понтия Пилата «прокуратором». В действительности Пилат, как и другие наместники Иудеи до Клавдия, именовался «префектом Иудеи». С учетом надписи, найденной в Кесарии, об этом можно говорить совершенно определенно. Надпись гласит:

[Dis Augustus Tiberieum [Po]ntius Pilatus [praefectus Iuda[ea]e [fecit, djefdicavit]^[221].

«Tiberieum» — это храм, в данном случае, очевидно, маленький храм, посвященный Тиберию. Этот храм Пилат построил в Кесарии, где была обнаружена надпись. В то время Кесария была резиденцией наместников Иудеи (см., например, Деян 23:23, 33). Во время сооружения храма Тиберий был правящим римским Цезарем. Обычно римский Цезарь причислялся к богам лишь после смерти, но местным правителям провинций и государств-сателлитов разрешалось сооружать святилища еще живым римским императорам. В Риме это рассматривалось как знак покорности и верности по отношению к Цезарю. Понтий Пилат — единственный римский чиновник, о котором известно, что он построил храм живому Цезарю.

Первый серьезный конфликт между Пилатом и еврейским населением разразился, когда тот внес в Иерусалим воинские штандарты с изображением Цезаря^[222]. Этот случай показал, с одной стороны, преданность Пилата Цезарю, с другой — его беспомощность перед решительным сопротивлением евреев.

И то и другое сыграло важную роль при его роковом решении по делу Иисуса. По Иоанну (19:12), которого в данном случае мы можем считать исторически достоверным, Пилат собирался было освободить Иисуса, но его еврейские противники стали кричать: «Если ты его отпустишь, ты не друг Цезарю! Кто выдает себя за царя, тот восстает против Цезаря!» Услышав эти слова, Пилат решил казнить Иисуса.

Проявлению этих личных качеств Пилата немало способствовали непростые внешние обстоятельства, сопровождавшие его правление. Наместники провинций зависели от влиятельных групп среди местного населения, в особенности от местной аристократии, которая выступала в качестве связующего звена между провинцией и

империей. В случае Иисуса роль такой аристократии играла храмовая иерархия, которую возглавлял еврейский Первосвященник. Наместник зависел также от расположения Цезаря, который был верховным судьей в тех случаях, когда ему подавали жалобу на наместника. Эти политические интриги в сочетании со слабохарактерностью Пилата послужили причиной его отставки.

Когда наместник Сирии Вителлий посетил Иерусалим в [36 г.] н. э. во время Пасхи, поступила жалоба от совета самаритян, в которой Пилат обвинялся в неоправданном применении политики «сильной руки» по отношению к самаритянам. Пилат был отстранен и отправлен в Рим, чтобы отчитаться за ведение дел перед Цезарем. Чем закончилась его история, неизвестно. Так или иначе, отставка Пилата привела также к смещению первосвященника Кайафы, который был верным союзником Пилата^[223].

Теперь продолжим изложение событий, которое мы прервали в момент выдачи Иисуса Пилату. Вопрос о том, куда отвели Иисуса его обвинители и где он, соответственно, предстал перед Пилатом, остается до сих пор без

Ⓜ Загадка Христа ответа. Был ли он передан Пилату в крепости Антония, которая непосредственно примыкала к территории Храма и в которую Иисус был, возможно, заключен? Или его привели к Пилату во дворец Ирода? Дворец был одновременно крепостью; там размещалась штаб-квартира наместника, когда он временно останавливался в Иерусалиме. (Дворец Ирода находился в нынешнем армянском квартале Иерусалима.)

Итак, римский префект Пилат спросил Иисуса: «Ты действительно царь евреев?», и тот, согласно источникам, ответил: Это ты так говоришь. Вот, собственно, и все, что сохранило предание. У Иоанна (18:29–38) этот двусмысленный ответ трактуется как отрицательный: ты говоришь, что я царь. Ты сам это решил или тебе рассказали обо мне другие? Возможно, что в действительности Иисус вовсе не отвечал римлянину. Поскольку Пилат узнал, что Иисус был галилеянином и, стало быть, подданным Ирода Антипы, он отправил арестованного к Ироду, который во время Пасхи бывал в Иерусалиме. Тетрарх стал обстоятельно расспрашивать Иисуса, но тот молчал, и Ирод отослал его обратно к Пилату (Лк 23:6-12). На историчность этого эпизода указывает текст Деян 4:25–28, где в связи со смертью Иисуса Ирод упоминается вместе с Пилатом^[224]. Ирод-Ирод, который покушался на жизнь Иисуса еще в Галилее, получил возможность увидеть его в Иерусалиме и совершенно спокойно доверил его римскому наместнику. Формальности были соблюдены. Предупредительность Пилата способствовала сближению двух властителей: Ирод Антипа и Пилат, которые раньше ^недолюбливали друг друга, стали друзьями.

В римской тюрьме в Иерусалиме с Иисусом сидело до меньшей мере еще трое евреев. Эти трое были антиримскими террористами; самого главного из них звали

Вараввой. Он принимал участие в акции, которая обошлась в несколько человеческих жизней. Варавва (возможно, с двумя другими) был схвачен и помещен в тюрьму. Римский наместник считал своим долгом отправить на крест террористов и прежде всего их главаря — Варавву. Если казнь свершится в день еврейского праздника на глазах у многочисленных паломников, тем лучше: пусть воочию убедятся, как тверда рука Рима. Конечно, казнь народного героя может привести к беспорядкам — атмосфера праздничного возбуждения, особенно в Пасху, немало тому благоприятствует^[225]. Еврейские «бандиты», должно быть, захотят отомстить за смерть Вараввы — и тогда этот строптивый народ узнает, что такое острый римский кеч. Ненавидимые всеми первосвященники испытывали другие чувства. Они, по-видимому, испугались, что во время праздника в народе начнутся волнения (см. Мф 26:5). Но волнения можно предотвратить, если сохранить жизнь Варавве.

> И вот представился удобный случай. Римский наместник в честь Пасхи обычно амнистировал одного заключенного-еврея. По раввинистической литературе^[226] ты знаем, что такая амнистия чаще всего не сваливалась с неба: ей предшествовали продолжительные хлопоты. На этот раз и первосвященники, и Пилат пытались использовать право амнистии в собственных интересах. Народ уже собрался перед резиденцией префекта и просил о традиционном помиловании одного узника. Пилат, воспользовавшись случаем, сказал: «Хотите, освобожу вам царя евреев?» (Мк 15:6-10). Он и в самом деле не усматривал никакой опасности для империи в титуле «Царь евреев» и надеялся, что и евреи поймут, что нет серьезных оснований казнить Иисуса. Только отпустив этого человека, он сможет распять Варавву. Но тут вмешались первосвященники. Толпа не питала никакой неприязни к Иисусу, но обожала борца за свободу Варавву. Поэтому когда первосвященники стали подстрекать собравшуюся толпу просить Пилата, чтобы он лучше отпустил Варавву (Мк 15:11), им нетрудно было добиться успеха. Тогда Пилат спросил: «Что же мне сделать с тем, кого вы называете царем евреев?» Последовал ответ: «Распни его». По Иоанну (19:6), этот выкрик прозвучал вначале из уст первосвященников и их приспешников. (Эту деталь читатель обычно не замечает.) С учетом этого получается, что «народный гнев» был организован первосвященниками и их подручными. Согласно древнему рассказу, клич «Распни!» прозвучал дважды (Мк 15:13, 14). В принципе это возможно. Читатель может проверить, как усиливает этот клич каждый из евангелистов. Убеждение, что это конкретное «человекоубийство» вытекало из замысла «богоубийства», принадлежит более позднему времени. Впрочем, призыв был совершенно излишним: римский наместник, конечно, понимал, что, если Варавва от него ускользнет, он должен будет распять Иисуса. Пилат сделал еще одну попытку. Он сказал, что не находит за Иисусом столь серьезного преступления, которое заслуживало бы казни; поэтому он накажет его плетями, а затем отпустит (Лк 23:22). Но и это не подействовало. В конце концов он был вынужден освободить Варавву, а Иисуса приказал бичевать и затем распять (Мф 27:26). В соответствии с римским правопорядком «зачинщики мятежей и

беспорядков или подстрекатели либо распинаются, либо отдаются диким зверям, либо ссылаются на остров в зависимости от звания»^[227]. Освободив Варавву, Пилат волею-неволей должен был более серьезно, чем до сих пор, рассмотреть дело Иисуса. Он мог, если бы захотел, распять его как подстрекателя из-за выступлений в Храме И слов о гибели Храма. К тому же ходили слухи, будто этот Иисус — Мессия.

Иисус был передан Пилату, видимо, без приговора. Нигде в источниках не упоминается также и смертный приговор, вынесенный Пилатом. Таким образом, создается впечатление, что трагическая смерть Иисуса последовала без приговора, вынесенного человеческим судом. Она была только ставкой в жестокой игре сторон, чьи корыстные интересы не оставляют сомнений, игре, которая, если посмотреть на события извне, не имела никакого отношения ни к человеку Иисусу, ни к его делу^[228].

Теперь Иисусом занялись римские солдаты. Они отвели его во внутренний двор крепости и созвали вею когорту. На Иисуса надели пурпурную мантию, на его голову возложили венок, который солдаты тут же сплели из колючки, а в правую руку вложили ему трость. Когда «царь» этого шутовского представления был снабжен всеми подобающими регалиями, солдаты начали вставать на колени и падать перед ним ниц, как перед восточным деспотом, восклицая: «Да здравствует царь евреев!» Потом они плевали в него и, взяв трость у него из руки, били его по голове (ср. Мк 15:16–20). Таким образом разыгрывали свою жестокую шутку с Иисусом римские солдаты. Как чуть раньше издевались над Иисусом саддукейские охранники, доказывая бессилие Духа пророчеств, так теперь римские солдаты в лице этого Иисуса высмеивали еврейскую надежду на освобождение. Не исключено, что в этом издевательском спектакле принимал участие и Пилат. Если это так, то знаменитое выражение *Esse homo* («Вот этот человек») могло бы означать «Это он, ваш царь» (выражение, также засвидетельствованное)^[229]. Это — не единственный случай, когда язычники глумились над мессианской надеждой евреев. Через несколько лет после смерти Иисуса, когда еврейский царь Агриппа посетил Александрию, местные жители схватили ничего не подозревавшего душевнобольного по имени Карабас, «пригнали этого несчастного к гимнасию, поставили на возвышение, чтобы всем было видно, соорудили из папируса нечто вроде диадемы, тело обернули подстилкой, как будто плащом, а вместо скипетра сунули в руку обрубок папирусного стебля, подобранного на дороге. И вот он, словно мимический актер, обряжен царем и снабжен всеми знаками царского достоинства, а молодежь с палками на плечах стоит по обе стороны, изображая телохранителей. Потом к нему подходят: одни — как бы с изъявлениями любви, другие — как будто с просьбой разобрать их дело, третьи — словно прося совета в государственных делах. Потом в толпе, стоящей вокруг него кольцом, поднимаются крики: „Мари“^[230] (так у сирийцев зовется царь)»[3]^[231]. В одном плохо сохранившемся папирусе рассказывается о подобном шутовском спектакле, который имел место несколько позже, после восстания евреев в 115–117 гг. в той же Александрии. В этом спектакле, по всей видимости, принимал участие даже римский наместник Египта^[232].

Наглумившись над Иисусом, солдаты повели его к месту казни. Пилат еще раз внес свою лепту: он приказал прикрепить на кресте табличку с надписью «Царь евреев».

Ф По пути к месту казни римские солдаты остановили проходившего мимо еврея по имени Симон, который был из Кирены^[233], и заставили его нести крест (Мк 15:21). Ничего необычного в том, что римские оккупационные войска принуждали паломн еврейские праздники, к выполнению трудовой повинности, не было^[234].

Процессия вышла из города и направилась в сторону Голгофы — лобного места. Кто-то из сострадательных евреев по обычаю предложил Иисусу вина, смешанного с миррой (обезболивающее средство), чтобы облегчить предстоящую ему мучительную смерть, но он отказался (Мк 15:23)^[235].

И вот на крестах трое: два «бандита» — один справа, другой слева, — а в центре Иисус: ведь его казнили как «царя евреев». Иисус сказал: Отец! Прости их — они не понимают, что делают!^[236] Как уже отмечалось, Иисус, по всей вероятности, ходатайствовал за неевреев — римских солдат, которые его распяли, а вовсе не за тех евреев, которые выдали его римским оккупационным властям и которые поэтому несли ответственность за его казнь.

Солдаты поделили между собой его одежду. Рядом стояли любопытные, которые пришли посмотреть на казнь. Простые люди жалели эту последнюю жертву римских оккупантов^[237]. Враги Иисуса в высшей степени были довольны данным исходом дела этого галилеянина. «Начальники», в первую очередь аристократы, потешались и цинично подтрунивали над ним: «Он спасал других, так пусть спасет и себя, если он — избранник и Помазанник Божий». Измывались над ним и солдаты. Они подходили, предлагали ему кислое питье и говорили: «Если ты царь евреев, спаси себя!» (Лк 23:33–38; ср. Мк 15:22–32, 36; Мф 27:33–44, 48). Над распятым насмеха лись также первосвященники и даже казнимые с ним преступники (согласно Луке, только один из них). Второй преступник в рассказе Луки урезонивал первого: «Побойся Бога! Ты ведь сам на кресте. Мы-то терпим казнь по заслугам, а за ним нет ни малейшей вины...» (Лк 23:39–43). Потом Иисус громко вскрикнул и умер.

Ф «И люди, собравшиеся посмотреть на зрелище, увидев, что произошло, возвращались домой, ударяя себя в грудь» (Лк 23:48).